

РЯДОМ СО СТАЛИНЫМ

А.А. ЖДАНОВ
Г.М. МАЛЕНКОВ

СТАЛИН И КОСМОПОЛИТЫ

**Андрей Александрович Жданов
Георгий Максимилианович Маленков
Сталин и космополиты (сборник)
Серия «Рядом со Сталиным»**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5013914
А.А. Жданов, Г.М. Маленков. Сталин и космополиты: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0141-4*

Аннотация

А.А. Жданов и Г.М. Маленков были ближайшими соратниками И.В. Сталина. Жданов был членом Политбюро при Сталине, Первым секретарем ленинградского обкома ВКП(б), главным идеологом партии. В 1946 и 1947 гг. он выступил против антипатриотических течений в советской культуре; его доклады стали началом борьбы с космополитизмом.

После внезапной смерти А.А. Жданова его дело продолжил Г.М. Маленков, также член Политбюро ЦК КПСС, который продолжал бороться с антирусскими и сионистскими движениями в СССР.

В данной книге представлены важнейшие работы Жданова и Маленкова по вопросу о патриотизме и космополитизме, о русофобии некоторой части интеллигенции, об отношении Сталина к теме русского патриотизма. За последние семьдесят лет эти работы публикуются впервые.

Содержание

Предисловие	4
А.А. Жданов	4
Г.М. Маленков	10
А.А. Жданов	19
«Да, мы тенденциозны, и гордимся этим...»	19
«Резкая, враждебная реакция...»	22
«Много идеологически вредных произведений...»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

А.А. Жданов, Г.М. Маленков

Сталин и космополиты

Предисловие

А.А. Жданов

Андрей Александрович Жданов – один из ближайших соратников И.В. Сталина – прошел долгий путь прежде чем стал заметной фигурой в советском руководстве. Он родился в семье инспектора народных училищ, учился в Тверском реальном училище, затем в Московском сельскохозяйственном институте и в школе прапорщиков в Тифлисе.

В 1912 году А.А. Жданов вступил в молодежную организацию РСДРП, а с 1915 года навсегда связал свою жизнь с партией. А.А. Жданов был активным участником Великой Октябрьской Социалистической Революции, установления Советской власти на Урале. В годы Гражданской войны он – один из организаторов и политических руководителей Красной Армии на Урале и в Твери. После Гражданской войны находился на ответственной партийной и хозяйственной работе в Твери, а с 1924 по 1934 год Андрей Александрович Жданов возглавлял Нижегородскую областную и Горьковскую краевую партийные организации.

Под его руководством и при активной повседневной поддержке Сталина, Молотова, Калинина, Орджоникидзе, Куйбышева и др. Нижегородский край превратился в мощный индустриально-аграрный форпост страны. В рекордно короткий срок были введены в строй действующих такие гиганты социалистической индустрии, как автозавод, авиазавод, Балахнинский бумкомбинат, машиностроительный, станкостроительный и др. заводы. Была проведена коренная техническая реконструкция Красного Сормова, Красной Этны, заводов им. Ленина, им. Воробьева, Выксунского, Кулебакского и Горьковского металлургических заводов и др. Были построены новые заводы и введены огромные мощности на предприятиях Дзержинска, который позднее стал самым крупным центром химической промышленности страны.

Были введены в эксплуатацию Балахнинская ГРЭС, ТЭЦ автозавода, начато строительство Игумновской ТЭЦ, построены тысячи километров магистральных и распределительных электросетей и «лампочка Ильича» пришла в рабочие кварталы, все райцентры, многие деревни, Была проведена огромная работа по ликвидации неграмотности. Были открыты институт инженеров водного транспорта и инженерно-строительный институт, а также институт иностранных языков. На базе Горьковского университета открыты медицинский и сельскохозяйственный институты.

Открыты сотни кинотеатров, десятки домов пионеров, музеев, а также многие уникальные объекты жилья, промышленности и соцкультбыта. К проектированию Соцгорода автозавода были привлечены выдающиеся советские зодчие братья Голосовы, авторы комбината «Правда» в Москве. На месте бывших дач буржуазии открыты десятки домов отдыха и ряд санаториев.

На 2-й Нижегородской краевой партконференции в 1930 г. В.В. Куйбышев сказал: «Тот уголок края, который я видел в Нижнем Новгороде, производит впечатление сплошной стройки. Едва ли ошибусь, если скажу, что ни один город в нашем Союзе не может сравниться сейчас с Нижним Новгородом по количеству строящихся объектов и по размаху строительства».

Большое внимание Жданов уделял укреплению материально-технической базы военных учебных заведений, которые окончили многие выдающиеся военачальники, в т.ч. дважды Герой Советского Союза Белобородов, маршал Соколов и др. Укрепилась материально-техническая база ДОСААФ (ОСОВИАХИМ), аэроклубов, из которых вышло немало Героев Советского Союза.

Многие годы при Жданове командиром Горьковской стрелковой дивизии был будущий маршал Конев. Воины гарнизона на воскресниках участвовали в строительстве пусковых объектов предвоенных пятилеток, дорог, помогали жителям городов, сел и деревень во время стихийных бедствий, на сельскохозяйственных работах, уборке урожая, заготовке топлива и т.д.

План первой пятилетки в крае, области и Горьком был выполнен досрочно. В 1934 году край был награжден орденом Ленина, и в этом огромная заслуга Жданова.

* * *

После злодейского убийства С. М. Кирова в Ленинграде А. А. Жданов избирается Первым секретарем Ленинградского обкома и Горкома ВКП(б), Секретарем ЦК, кандидатом, а затем членом Политбюро ЦК ВКП(б). С 1935 года А. А. Жданов был Членом Военного Совета Ленинградского военного округа, позднее Членом Главного Военного Совета Военно-морского флота СССР.

С началом войны была образована Ставка Верховного Главнокомандования, Жданов был назначен постоянным советником Ставки. Вечером 24 июня зафиксировано совещание Жданова и Сталина. Предполагается, что помимо общих вопросов начавшейся войны, они обсуждали ситуацию с Финляндией, которая, не объявляя войны, де-факто уже выступила на стороне Германии.

Жданов не был профессиональным военным, но имел немалый опыт управления и кризисного руководства. В июле 1941 г. он возглавил Военные советы Северного и Северо-Западного фронтов. Уже в конце июня в Ленинграде по его распоряжению начали формироваться дивизии народного ополчения и стали эвакуироваться первые группы граждан.

История блокады и борьбы за Ленинград в 1941 – 1944 гг. может занять не один десяток книг. Трагедию блокады, вызванную стремительным наступлением агрессора, и поныне используют для создания «черной легенды» о Жданове. Тут истеричные обличители или злонамеренные очернители русской истории вешают на нашего героя всех собак, используя и объективных трудности и самые нелепые выдумки.

Вот типичный образчик такой писанины: «За 900 дней блокады ответственность должно нести партийное руководство, и в первую очередь самый бездарный чиновник – первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) товарищ А.А. Жданов, который к героическому подвигу жителей города никакого отношения не имел. Первый секретарь блокаду «проспал»: много пил, много ел, занимался физкультурой, чтобы сбросить лишний вес, на передовую не ездил и хозяйством не занимался».

К сожалению, остается неизвестным, кто должен нести ответственность за столь впечатляющие умственные способности автора данной цитаты, сам автор в силу ярко выраженной мозговой альтернативности нести такую ответственность явно не может. Поэтому бесполезно задавать ему, например, вопрос об ответственности за 900 дней блокады таких одаренных личностей как Гитлер или Маннергейм – объективность и логика не в чести у тех, кто разоблачает сталинских сатрапов между бизнес-ланчем и офисом.

Некоторые элементы «черной легенды» о Жданове в годы блокады мы рассмотрим ниже. Сейчас же заметим одно – с 1941 по 1945 год на северо-западе России и в Ленинграде Андрей Александрович Жданов, фактически, играл ту же роль, что и Сталин в масштабах

всей страны. Как убоги и бессмысленны утверждения, что можно выстоять и выиграть мировую войну при бездарном лидере или «вопреки» негодному главнокомандующему, так же бессмысленно отрицать роль Жданова в спасении Ленинграда. Именно Жданов осуществлял там и тогда высшее государственное руководство, именно сформированная им в довоенные годы команда управляла городом, пожалуй, в самых беспрецедентно суровых военных условиях Второй мировой войны.

В ноябре 1941 г., когда в Москве проходил знаменитый военный парад на Красной площади, Жданов выступил на собрании партактива в Смольном: «Русские люди много раз смотрели смерти в глаза, проявляя при этом непоколебимую душевную силу: они и на этот раз не дрогнут, но надо рассказать народу правду такой, какая она есть...» Тему особого значения русской нации в СССР Жданов поднимал и в довоенное время, в годы войны он не раз обращался к русской национальной гордости, не оставит он «русский вопрос» и после войны.

* * *

Альтернативно одаренные писатели всех мастей любят «вспоминать», как Жданов «обжирался» в городе, умиравшем от голода. Тут в ход идут самые феерические байки, кои обильными тиражами наплодили еще в «перестроечном» угаре. Разоблачители «сталинской тирании и большевистских преступлений» то и дело любят повторять эту развесистую клюкву уже второй десяток лет. О том, как Жданов, дабы спастись от ожирения в блокадном Ленинграде, играл в «лаун-теннис» (видимо, диванным разоблачителям очень уж нравится импортное словечко «лаун»), как ел из хрустальных ваз пирожные «буше» (еще одно красивое слово) и как объедался персиками, специально доставленными самолетом из партизанских краев.

К сожалению, все эти байки, из года в год повторяемые легковесными «журналистами» и запоздалыми борцами со сталинизмом, разоблачаются только в специализированных исторических публикациях. Впервые они были рассмотрены и опровергнуты еще в середине 90-х гг. в ряде документальных сборников по истории блокады. Увы, тиражам исторических и документальных исследований не приходится конкурировать с желтой прессой. И эти набившие оскомину байки после миллионных тиражей «перестроечных» разоблачений и двадцати лет либеральной пропаганды все еще остаются в массовом сознании.

Вот что рассказывает в изданном в Петербурге в 1995 году сборнике «Блокада рассекреченная» писатель и историк В.И. Демидов: «Известно, что в Смольном во время блокады вроде бы никто от голода не умер, хотя дистрофия и голодные обмороки случались и там. С другой стороны, по свидетельству сотрудников службы, хорошо знавших быт верхов (я опросил официантку, двух медсестер, нескольких помощников членов военсовета, адъютантов и т.п.), Жданов отличался неприхотливостью: «каша гречневая и щи кислые – верх удовольствия». Что касается «сообщений печати», хотя мы и договорились не ввязываться в полемику с моими коллегами, – недели не хватит. Все они рассыпаются при малейшем соприкосновении с фактами. «Корки от апельсинов» обнаружили будто бы на помойке многоквартирного дома, где якобы жительствовавший Жданов (это «факт» из финского фильма «Жданов – протеже Сталина»). Но вы же знаете, Жданов жил в Ленинграде в огороженном глухим забором – вместе с «помойкой» – особняке, в блокаду свои пять-шесть, как у всех, часов сна проводил в маленькой комнате отдыха за кабинетом, крайне редко – во флигеле во дворе Смольного. И «блины» ему личный шофер (еще один «факт» из печати, из «Огонька») не мог возить: во флигеле жил и личный ждановский повар, принятый им еще от С.М. Кирова, «дядя Коля» Щенников. Писали про «персики», доставлявшиеся Жданову

«из партизанского края», но не уточнив: был ли зимой 1941/42 года урожай на эти самые «персики» в псковско-новгородских лесах...»

Как вспоминала одна из двух дежурных официанток Военного совета Ленинградского фронта Анна Страхова, во второй декаде ноября 1941 года Жданов вызвал ее и установил жестко фиксированную урезанную норму расхода продуктов для всех членов военсовета (командующему М.С. Хозину, себе, А.А. Кузнецову, Т.Ф. Штыкову, Н.В. Соловьеву): «Теперь будет так...».

Участник боев на Невском пятачке, командир 86-й стрелковой дивизии (бывшей 4-й Ленинградской дивизия народного ополчения) полковник Андрей Андреевич Матвеев упоминает в мемуарах, как осенью 1941 года после совещания в Смольном видел в руках Жданова небольшой черный кисет с тесемкой, в котором член Политбюро и Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) носил полагававшейся ему пайковый хлеб: хлебная пайка выдавалась руководству несколько раз в неделю на два-три дня вперед.

Конечно, это не были 125 грамм, полагававшихся иждивенцу в самый кризисный период блокадного снабжения, но, как видим, и пирожными с лаун-теннисом тут не пахнет. Действительно, в период блокады высшее государственное и военное руководство Ленинграда снабжалось куда лучше, чем большинство городского населения, но без «персиков» (здесь господа разоблачители явно экстраполируют на то время свои нравы и нравы современного начальства: уж эти-то точно не будут затягивать пояса ради какой-то там страны и народа).

Предъявлять же руководству блокадного Ленинграда претензии в лучшем снабжении – это как предъявлять такие претензии солдатам Ленфронта, питавшимся в окопах лучше горожан, или обвинять летчиков и подводников, что они кормились лучше рядовых пехотинцев. В блокадном городе все без исключения, в том числе и эта иерархия норм снабжения, было подчинено цели обороны и выживания, так как разумных альтернатив тому, чтобы устоять и не сдать, у города просто не было.

* * *

Здесь мы подходим еще к одному «разоблачительному» мифу, косвенно бьющему по Жданову: якобы Ленинграду было лучше капитулировать и не переживать ужасов голодной блокады. Некоторым категориям современных граждан, действительно, близки призывы «расслабиться и получать удовольствие», пока их имеют. Но рассмотрим, к чему тогда могло привести город буквальное следование такому совету.

Для начала приведем несколько цитат, свидетельствующих о вполне деловых планах на будущее города наших добрых германских и финских соседей. Вот Франц Гальдер, начальник штаба командования Сухопутных войск Германии, 8 июля 1941 года пишет в своем дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы». А вот его подчиненный Альфред Йодль, начальник оперативного отдела командования Сухопутных войск, 7 октября 1941 г. сообщает генерал-фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу: «Капитуляция Ленинграда, а позже и Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником... Нельзя кормить их население за счет германской родины...»

Вот уже сам партайгеноссе Гитлер 16 сентября 1941 года вещает в беседе с бригаденфюрером СС Отто Абецом, немецким послом в занятом германскими войсками Париже: «Ядовитое гнездо Петербург, из которого так долго азиатский яд источался в Балтийское море, должен исчезнуть с лица земли... Азиаты и большевики должны быть изгнаны из Европы, период 250-летнего азиатства должен быть закончен». Как видим, художник-акварелист куда более романтичен, чем приземленные солдафоны Гальдер и Йодль.

Вот отрывок из еще одной директивы от 23 сентября 1941 года «Die Zukunft der Stadt Petersburg»: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта... Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у ее новой границы».

Финские соседи, действительно, недвусмысленно выразили эту свою незаинтересованность. 11 сентября 1941 года президент Финляндии Ристо Хейкки Рюти заявил немецкому посланнику: «Ленинград надо ликвидировать как крупный город». Позднее товарищ Жданов прямо в Финляндии посадит господина Рюти как военного преступника на 10 лет, в том числе и за эти слова. После смерти Жданова подельник Гитлера по блокаде Рюти будет тут же амнистирован.

* * *

Стоит разобраться с вопросом о личной храбрости Жданова, так как мифотворцы «черной легенды», наряду с прочими «персиками» часто предъявляют нашему герою обвинения в трусости, в частности, любят рассказывать, как он якобы за все время блокады ни разу не появлялся на фронте. Оставим за скобками тот факт, что тыл для осажденного Ленинграда, простреливавшегося немецкой артиллерией, был понятием весьма условным – даже относительно безопасный Смольный был далеко не «ташкентским фронтом». Но миф о том, что Жданов не показывался на фронте, разоблачается многими свидетелями.

Так, однофамилец нашего героя, командующий артиллерией Ленфронта Николай Николаевич Жданов вспоминал, что руководитель Ленинграда за время блокады неоднократно присутствовал под немецким огнем на артиллерийских наблюдательных пунктах, чем весьма нервировал свою охрану и военных, опасавшихся, что немцы могут убить секретаря ЦК ВКП(б). А лейтенант Петр Мельников, командир батареи на Ораниенбаумском плацдарме, вспоминал, как Жданов приезжал в расположение его части, осматривал укрепления и беседовал с бойцами. Это, конечно, не передовые окопы, но в них не часто лазят и генералы действующих армий всех стран, не говоря уже о высших политических руководителях. Так что из всех политических деятелей стран, участвовавших во Второй мировой войне, Андрей Александрович Жданов смело может претендовать на то, что он дольше всех находился и работал в непосредственной близости к фронту.

Кстати, командующий артиллерией Ленфронта отмечал и чисто военные заслуги нашего героя: «Пожалуй, самым активным поборником уничтожения немецких батарей был А.А.Жданов, который не только следил за контрбатарейной борьбой, но и в зависимости от положения на фронте и общей ситуации войны предлагал соответствующие методы борьбы. Так, например, А.А. Жданов предложил самостоятельные артиллерийские операции, смысл которых заключался в том, чтобы не только уничтожать наиболее активные батареи, но, самое важное, взорвать снаряды на огневой позиции до их применения батареями немцев в обстреле Ленинграда и тем самым лишить эти батареи возможности участвовать в разрушении города».

Но помимо чисто военного фронта у Жданова был еще один специфический фронт – знаменитая «Дорога жизни». Он неоднократно лично выезжал на Ладогу. Шофер М.Е. Твердохлеб вспоминал первый рейс по ледовой дороге: «Как только мой «газик» взошел на землю, встречающие гурьбой бросились ко мне, вытащили из машины и я оказался в крепких объятиях круглолицего человека в мохнатой ушанке. Это был Жданов... – «Твоего подвига ленинградцы никогда не забудут!» – сказал мне Андрей Александрович, еще раз стиснул в объятиях и побежал ко второй подошедшей машине...»

В марте 1942 года, когда «Дорога жизни» накануне ледохода позволила накопить в городе хоть какой-то запас еды, Жданов обмолвился в одном из разговоров с руководством городского комитета комсомола: «Ну, теперь я богач, у меня на 12 дней продовольствие есть».

Роль Жданова как руководителя блокадного города и одного из высших государственных деятелей СССР в годы войны до сих пор должным образом не оценена потомками. В Петербурге стоит памятник Маннергейму, убивавшему ленинградцев блокадой. Памятника Жданову, создававшему «Дорогу жизни», в городе нет.

* * *

После войны в среде советской интеллигенции начали наблюдаться «фрондерские» явления: находясь на привилегированном положении в обществе, получая огромные гонорары, бесплатные квартиры от государства, дачи и прочие блага жизни, представители интеллигенции начали исподтишка ругать советский строй и восхвалять Запад, особенно США.

С 1946 года А.А. Жданов возглавил кампанию по усилению партийного контроля за интеллектуальной жизнью страны. Ведя борьбу с появлением иностранных влияний, с огульной критикой советского строя, он справедливо отмечал, что определенные представители интеллигенции забыли, что они вскормлены на деньги народа, а теперь этот народ вызывает у них презрение, также как и государство, которое дало им возможность безбедного существования и проявления творческих способностей.

Жданов пустил в оборот термин «низкопоклонство перед Западом», требуя от интеллигенции вернуться к русским национальным основам культуры, воспитывать и пропагандировать патриотические, а не космополитические чувства в народе

Сегодня Жданова критикуют за постановление о музыке. Но как актуальны его слова, что народная музыка должна быть ритмической, мелодичной, а в искусстве необходимо сочетать национальное и интернациональное.

Критикуют А.А. Жданова за его высказывания об А. Ахматовой, но назовите сегодня хоть одного рабочего или крестьянина, который прочитал хоть одно стихотворение ее наизусть. А вот стихи и песни Лебедева-Кумача, Матусовского, Суркова и многих других, которых поддерживал А.А. Жданов, хорошо знают, поют и помнят.

Многие выдающиеся русские и советские деятели культуры при Жданове и его содействии стали обладателями высоких наград. Так, шестикратные лауреаты Сталинских премий композитор Прокофьев и кинорежиссер Пырьев пять этих премий получили при жизни Жданова, который также курировал и культуру...

Сегодня в России все названное в честь Жданова (заводы, улицы, библиотеки, институты, школы и др.) переименованы.

Средства на это нашлись!

По материалам А. Волынца, С. Крюкова

Г.М. Маленков

Георгий Максимилианович Маленков, которого многие считают преемником Сталина, выбранным самим вождем, родился в семье дворянина, потомка выходцев из Македонии Максимилиана Маленкова и дочери кузнеца Анастасии Шемякиной.

В 1919 году Георгий Маленков закончил классическую гимназию и был призван в Красную Армию; там вступил в РКП(б), был политработником эскадрона, полка, бригады, Восточного и Туркестанского фронтов.

Приехав в Москву в 1921 году, Маленков поступил в МВТУ на электротехнический факультет. Занимая пост секретаря общезузовской парторганизации МВТУ, руководил борьбой против троцкистской оппозиции.

В 1920 – 1930-х гг. Г.М. Маленков являлся сотрудником Организационного отдела ЦК ВКП(б), с 1927 года техническим секретарем Политбюро ЦК. В 1934 – 1939 годах он занимал должность заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б).

В 1937 году по поручению Политбюро он выезжал для проверки положения дел с руководящими кадрами в Белоруссию, Армению, Ярославль, Тулу, Казань, Саратов, Омск, Тамбов. В январе 1938 года на Пленуме ЦК Маленков по результатам своих инспекционных поездок делает доклад. «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии и формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». По докладу было принято постановление, выдержанное в таком же духе.

В августе 1938 года Маленков передает Сталину записку «О перегибах». Сын Г.М. Маленкова – А.Г. Маленков вспоминает:

«Я пишу по рассказу отца, записанному мною и затем проверенному им по моей записи: «Я передал записку И. Сталину через Поскребышева... В записке о перегибах в работе органов НКВД утверждалось, что Ежов и его ведомство виновны в уничтожении тысяч преданных партии коммунистов. Сталин вызвал меня через 40 минут. Вхожу в кабинет. Сталин ходит по кабинету и молчит. Потом спрашивает: «Это вы сами писали записку?» – «Да, это я писал». Сталин молча продолжает ходить. Потом еще раз спрашивает: «Это вы сами так думаете?» – «Да, я так думаю». Далее Сталин подходит к столу и пишет на записке: «Членам Политбюро на голосование. Я согласен».

Таким образом, говорит А.Г. Маленков, Сталин выразил недоверие Ежову. И тогда же, по словам Д. Суханова, он попросил Маленкова подобрать человека на должность первого заместителя наркома НКВД, который бы удовлетворял трем условиям: имел опыт работы в органах, опыт партийной работы и чтобы он, Сталин, мог ему лично доверять. Маленков предложил Донскому подобрать еще шесть кандидатур и затем все семь представил Сталину. Сталин выбрал Берия. В сентябре 1938 года Берия появился в Москве и приступил к работе в качестве первого зама Ежова.

А.Г. Маленков продолжает: «В конце января 1939 года Ежов добился через Поскребышева приема у Сталина. Тот принял его, но в присутствии Маленкова. Ежов обвинил Маленкова в попустительстве врагам народа и белогвардейщине, намекая на дворянское происхождение отца Г.М. Маленкова. Маленков, со своей стороны, повторил обвинения Ежову и его ведомству в уничтожении преданных партии коммунистов. Ежов потребовал созыва Политбюро.

Сталин сказал: «Пройдите в кабинет Маленкова, поговорите еще, я сообщу свое решение». Они прошли в кабинет Маленкова на Старой площади. Через некоторое время туда вошел Берия. При выходе из кабинета Ежов был арестован. При его аресте Маленков произнес: «Сын за отца не в ответе». Он имел в виду, что семья Ежова не понесет ответственности

за его деяния – ведь сам-то Ежов жестоко преследовал членов семей арестованных. (Как мне известно, семья Ежова была всего лишь выслана из Москвы).

Затем Маленков распорядился вскрыть сейф Ежова. Там были найдены личные дела, заведенные Ежовым на многих членов ЦК, в том числе на Маленкова и даже на самого Сталина».

С 1939 года Г.М. Маленков вошел в ЦК ВКП(б), с марта 1939 года по октябрь 1952 года он был членом Оргбюро ЦК.

Перед войной Маленков занимался широким кругом военных вопросов: руководил секретным аппаратом Коминтерна, военными кадрами, курировал авиацию и реактивную тематику. С июля 1940 года Маленков являлся членом Главного Военного Совета РККА. Подпись Маленкова (вместе с подписями Жукова и Тимошенко) стоит под директивами, разосланными в войска 22-го июня 1941 года.

В годы Великой Отечественной войны был членом Государственного комитета обороны. Возглавлял так называемые «маленковские комиссии» ГКО – экспертные группы из высших генералов выезжавшие на критические участки фронта. В 1943 году Маленков был поставлен во главе Комитета по восстановлению освобожденных районов. В 1944 году он возглавил Комитет по демонтажу немецкой промышленности, занимавшейся получением с Германии репараций в пользу СССР.

В 1946 году Г.М. Маленков стал членом Политбюро ЦК ВКП(б).

* * *

Отдельно следует сказать об «антисемитизме» Маленкова. Обычно для подтверждения этого приводят следующие факты.

Во-первых, в октябре 1944 года Сталин созвал в Кремле расширенное совещание ЦК ВКП(б), на которое были приглашены члены Политбюро и Секретариата ЦК, первые секретари республиканских и областных комитетов партии, руководители оборонной промышленности, армии и государственной безопасности. В своем вступительном слове Сталин высказался за «более осторожное» назначение евреев на руководящие должности в государственных и партийных органах.

Вслед за Сталиным выступил Маленков, который действительно говорил о необходимости повышения бдительности по отношению к еврейским кадрам, – однако не в силу своего «антисемитизма», а из-за того, что были известны случаи, когда некоторые евреи, заняв определенные должности, упорно старались окружить себя своими родственниками, близкими друзьями и т.д., а также использовали служебное положение в личных целях.

Таким образом, речь шла не о преследовании евреев как таковых, а о борьбе с коррупцией или «кумовством», как тогда называли это явление. Не случайно, вскоре после октябрьского совещания в ЦК ВКП(б) партийные комитеты различных уровней получили подписанное Маленковым директивное письмо, которое тогда в партийных кругах называли «маленковским циркуляром». В нем перечислялись должности, на которые назначение людей еврейской национальности было нежелательно, – и это были именно такие должности, где существовал наибольший соблазн для «кумовства».

Для иллюстрации того, что «маленковский циркуляр» был действительно необходим, приведем полный текст легендарного фельетона Василия Ардаматского «Пиня из Жмеринки» (этот фельетон считают проявлением ярого антисемитизма в официальной советской идеологии в последние годы жизни Сталина):

«Передо мной лежит куча документов. На каждой бумажке – сухие цифровые выкладки, подсчеты, анализы. А когда все это прочитаешь, хочется задать такие, например, вопросы:

– Можно ли построить дом из ваксы? А из соды? Можно ли сытно питаться гвоздями? И оказывается, что все это можно.

Для этого только необходимо поехать в Жмеринку и там войти в доверие к Пине Палтиновичу Мирочнику. Вот это фокусник! Всем фокусникам фокусник! Что перед ним звезда Госцирка Кио с его таинственным сундуком, в котором исчезает штатная дама-невидимка! Но забытый Госцирком, Пиня Палтинович Мирочник вынужденно пребывает на скучнейшей должности руководителя промкомбината Жмеринского райпотребсоюза. Ни тебе аплодисментов! Ни тебе восхищенных рецензий!

Помня о том, что Кио в свое время выступал с 75 ассистентами, Пиня Палтинович тоже окружил себя надежными помощниками, хотя, надо отдать ему должное, до цифры «75» он не дошел. Немного, но не дошел. В свой промкомбинат Пиня Палтинович на должность начальника химцеха взял Давида Островского. Соответственно, сын Давида стал агентом по снабжению. Рахиль Палатник расположилась за столом главного бухгалтера. Соответственно, зять сей Рахили, Шая Пудель, стал ее заместителем. Плановиком стала Роза Гурвиц, а муж ее стал начальником снабжения. Шурин Пини Палтиновича, Зяма Мильзон, занял позицию в хозяйственном магазине. В других местах расположились Яша Дайнич, Буня Цитман, Шуня Мирончик, Муня Учитель, Бенья Рабинович, Исаак Пальтин и другие.

Нетрудно представить себе, какие волшебные явления могли демонстрироваться при такой расстановке сил. Особенно если учесть, что жмеринский районный прокурор тов. Лановенчик до того увлекся длительным созерцанием этих явлений, что совсем позабыл о своих самых что ни на есть прямых обязанностях...

Пиня Палтинович волшебником стал не сразу. На первых порах ему удавалось далеко не все. Так, в 1936 году он был исключен из партии за совершение религиозного обряда и заодно нечистых сделок. К 1941 году он стал уже опытней и сумел, будучи и поныне совершенно здоровым, заболеть как раз в последней декаде июня 1941 года. Это позволило ему уехать в сторону, прямо противоположную фронту. После войны Пиня Палтинович обосновался в Жмеринке. В 1946 году он снова вступил в партию, ловко скрыв, что один раз ненадолго в партии уже побывал.

У Пини Палтиновича семья из шести человек, не считая двух братьев жены, которые, имея такого шурина, сдуру проживают за границей. Семья Пини живет в богато обставленной четырехкомнатной квартире. Все его пять иждивенцев нигде не работают, хотя медициной им это никак не противопоказано. Ежегодно супруга Пини с потомством отбывает в благословенные курортные земли. В самом деле, зачем им работать, если Пиня Палтинович и без того может держать дом на широкую ногу?.. Правда, когда знаешь размер заработной платы Пини Палтиновича, все выше перечисленное становится несколько непонятным, но если бы все понимали фокусы, не было бы и фокусников.

Нет охоты подробно писать о фокусах Пини Палтиновича и его верных ассистентов, ибо, как, наверно, догадывается читатель, название этим фокусам – жульничество. О фокусах этих подробно и точно написано в актах, протоколах, справках и прочих документах. Там все описано. И как по заключению Давида Островского и Муни Учителя были списаны «в брак» 56 800 железных коробок для ваксы. И как потом эти коробки, наполненные ваксой, перестав быть «браком», появились в руках спекулянтов. Ах, какой изумительный по благородству поступок совершил в связи с этой операцией Давид Островский! Оказывается, он бракованные коробки сдал как утиль заготовителю райпотребсоюза Бене Рабиновичу, а полученные за это тридцать целковых чистоганом внес в кассу промкомбината. Какая честность! И ловкость заодно!

На рынке в Жмеринке (да и не только в Жмеринке!) всегда можно купить с рук за три рубля пакетик питьевой соды. Государственная цена этому пакетику – ровно 45 копеек. Эту соду оперативно производит промкомбинатор Пиня Палтинович. И в каком количестве! В

одном только 1952 году он выпустил почти сто тысяч пакетиков! По документам выходит, что вся эта сода реализована через Жмеринский райпотребсоюз. Но как же тогда она попала в руки спекулянтов не только Жмеринского, но и многих других районов Винницкой области? И неужели жмеринцы так пристрастились к пининой соде, что едят ее с утра до вечера столовыми ложками? Не может же население целого района страдать непроходящей изжогой?

Нет, с содой совершен свой фокус. Его могли бы объяснить бывший директор межрайбазы Окнянский и его заместитель Дарман. Но им объяснять не к чему, так что нам остается только посмотреть на обнесенный забором особняк Дармана, купленный им за 56 тысяч рублей. Получая заработную плату в размере 910 рублей, нелегко ему было сэкономить такую сумму. Небось, голодал, сердечный!..

А проезжая через Житомир, мы можем заодно посмотреть и на дом, который за 50 тысяч рублей приобрел выгнанный из жмеринской базы Окнянский. Этому еще тяжелей. Дарман – тот уже работает заместителем директора Жмеринского райпищекомбината, а Окнянский, бедняга, уже год ходит безработным. Небось, на одном хлебе да воде существует...

Да, привольно жуликам в Жмеринке! Вот они и резвятся под самым носом у районного прокурора. Прибыл металл для изготовления строительных гвоздей. Какое, к чертям, строительство, если кустари-сапожники стоном стонут, жаждают по любой цене купить сапожные гвозди! И промкомбинатор Пиня Мирочник выбрасывает на рынок тонны сапожных гвоздей. Между прочим, жмеринский прокурор на эти гвозди слегка накололся и даже завел о них специальное дело. Но в суд дело это он не передал. Говорят, изучает документы. Целый год изучает. Серьезный человек – прокурор в Жмеринке, жаль только, что он безопасен для жулья.

В чем только не замараны руки жмеринских фокусников! И в ваксе, и в синьке, и в халве, и в подсолнечном масле, и в меду, и в патоке. Жулики обнаглели. Недавно Додик Островский заявил: «Дайте мне деньги, и я вам в два счета достану шагающий экскаватор». Хорошо, что Пине Палтиновичу экскаватор не нужен, так что можно быть уверенным, что денег на это он Додику не даст.

Товарищи из Винницкого облпотребсоюза! Последние наши строки к вам. Мы прочитали несколько ваших постановлений, касающихся деятельности шайки Пини Палтиновича. По правде сказать, мы устали читать рассыпанные там «объявить выговор», «указать», «предложить» и прочее. Не переоцениваете ли вы, товарищи, воспитательного значения этих своих постановлений? Да и кого вы пытаетесь воспитывать? Да еще с таким трогательным терпением? Не лучше ли будет поручить это дело наконец областной прокуратуре? Там должны знать, как нужно обращаться с жуликами».

Следует заметить, что подобное положение дел сложилось не только в системе торговли, пищевой и легкой промышленности. Еще 17 августа 1942 года начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров направил секретарю ЦК А.С. Щербакову записку, где выражалось беспокойство, в частности, по поводу того, что «в управлениях Комитета по делам искусств во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)...

В Большом театре Союза ССР, являющемся центром великой русской музыкальной культуры, руководящий состав целиком нерусский... Такая же картина и в Московской государственной консерватории... Все основные кафедры возглавляют евреи...

Не случайно, что в консерваториях учащимся не прививается любовь к русской музыке, русской народной песне и большинство наших известных музыкантов и вокалистов (Ойстрах, Э. Гилельс, Флиэр, Л. Гилельс, Гинзбург, Фихтенгольц, Пантофель-Нечецкая)

имеют в своем репертуаре главным образом произведения западноевропейских композиторов».

Александров предлагал «разработать мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров» и «провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства».

Эти мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров и были осуществлены в последующие годы.

* * *

Во-вторых, об антисемитизме Г.М. Маленкова якобы свидетельствует дело о Еврейском антифашистском комитете (ЕАК). Маленков являлся одним из главных инициаторов этого дела.

Надо напомнить, что ЕАК был создан в годы войны (февраль – март 1942 года), как было провозглашено, для сплочения антифашистских сил в борьбе с фашистским геноцидом. Реальной прагматичной целью его функционирования было выбивание финансовых средств из американских магнатов-евреев на ведение войны против фашизма.

Председателем ЕАК стал актер и главный режиссер Московского государственного еврейского театра Соломон Михоэлс. Членами ЕАК стали поэты и писатели И.С. Фефер, Л.М. Квитко, П.Д. Маркиш, Д.Р. Бергельсон, С.З. Галкин, художественный руководитель Московского государственного еврейского театра (ГОСЕТ) В.Л. Зускин, главный врач ЦКБ им. Боткина Б.А. Шимелиович, директор Института физиологии АМН СССР академик АН СССР и АМН СССР Л.С. Штерн и др.

Ближе к концу войны члены ЕАК, особенно Михоэлс, принимают участие в конкретных судьбах еврейских беженцев, вырвавшихся из гетто или вернувшихся из эвакуации (получение вида на жительство и жилья, трудоустройство, материальная помощь), а также в судьбе тех, кто был уволен, не принят в вуз и т.д. Эта работа не входила в задачи, стоящие перед комитетом, и фактически была нелегальной и антисоветской.

Среди инициатив, предпринятых Михоэлсом и Фефером, было письмо на имя Молотова о создании Еврейской автономной республики в северном Крыму, где до войны было несколько еврейских колхозов. Представитель еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт» обещал им выделить крупные суммы для расселения евреев в Крыму.

12 октября 1946 года Министерство государственной безопасности СССР направило в ЦК ВКП(б) записку под заглавием «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». Заведующий отделом внешней политики ЦК М.А. Суслов организовал проверку и уже 19 ноября того же года докладывал в ЦК о результатах. По мнению Суслова, деятельность ЕАК приобретала все более националистический, сионистский характер и объективно способствовала усилению «еврейского реакционного буржуазно-националистического движения за границей и подогреванию националистических сионистских настроений среди некоторой части населения СССР».

Вскоре после войны МГБ обнаружил и нездоровый интерес к личной жизни Сталина со стороны сионистских кругов за границей. Этот интерес был связан, прежде всего, с тем, что главной международной проблемой в 1947 году был план создания государства Израиль. Успех этого плана, осуществлявшегося через ООН, в значительной степени зависел от позиции СССР и его друзей. Опубликованные на Западе сведения о личной жизни Сталина указывали на наличие и «внутреннего» источника, близкого к Сталину, или даже нескольких источников. Разглашение подробностей о личной жизни Сталина в СССР трактовалось

как разглашение государственных тайн. Министр государственной безопасности Абакумов получил новое задание – проследить за каналами утечки информации.

Подозрения пали на родственников второй жены Сталина, Анну Сергеевну и Евгению Аллилуевых. Первой, в начале декабря 1947 года, арестовали Е.А. Аллилуеву; в январе 1948 года арестовали и А.С. Аллилуеву. В круг друзей Аллилуевых попали И.И. Гольдштейн и З.Г. Гринберг. Уже на первых допросах Е.А. Аллилуева сообщила, что Гольдштейн интересовался семьей Сталина и особенно семьей его дочери Светланы и ее мужа Григория Морозова. Гольдштейн сообщил о том, что информацию о Сталине он собирал по просьбе Михоэlsa, председателя ЕАК. Арестованный З.Г. Гринберг тоже дал показания, что Михоэлс проявляет интерес к личной жизни вождя и сообщает эти сведения на Запад.

* * *

Отношение к евреям в верхах особенно изменилось после приезда в СССР одного из лидеров Израиля – Голды Мейер. Как вспоминает Г. Мейер, когда она пошла в синагогу 3 октября 1948 года, ее встречала толпа евреев. Она пишет. «Улица перед синагогой была неузнаваема. Она была забита народом... нас ожидала пятидесятитысячная толпа... Они пришли – добрые, храбрые евреи...».

Демонстрация была повторена и через 10 дней в еврейский праздник Судного дня. Причем съехались евреи даже из далекого Новокузнецка, а в то время для этого требовалась организация с исключительными возможностями.

Советское руководство не ожидало столь глубокого проникновения идей сионизма в среду советского еврейства и того энтузиазма, с которым евреи приняли факт создания Израиля и приветствовали первого израильского посла в Москве Г. Мейер. Все это еще больше укрепило Сталина в подозрении, которое он высказал в 1947 году своей дочери Светлане, что все «старшее поколение евреев СССР заражено сионизмом, а они и молодежь учат...».

После визита Г. Мейер и дружной демонстрацией советскими евреями их приверженности Израилю стало ясно, что сверхконцентрация евреев в науке и культуре становится опасной для СССР, особенно после того, как Израиль четко обозначил свою политическую ориентацию и стал в фарватере политики США.

Через полтора месяца после визита Мейер, 20 ноября 1948 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «поручить МГБ СССР немедля распустить «Еврейский антифашистский комитет», так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать. Пока никого не арестовывать».

Вскоре табу на аресты было снято – в конце 1948 года были арестованы И.С.Фефер, В.Л. Зускин, Д.Н. Гофштейн. В середине января 1949 года – Б.А. Шимелиович и И.С. Юзефович, а с 24 по 28 января – Л.М. Квитко, П.Д. Маркиш, Д.Р. Бергельсон, академик Л.С. Штерн, И.С. Ватенберг, Ч.С. Ватенберг-Островская, Э.И. Теумин.

Начались аресты и других лиц, связанных с ЕАК. Всего было арестовано 431 человек, из которых 217 писателей и поэтов, 108 актеров, 87 художников, 19 музыкантов.

Очевидно, что основанием для взятия под стражу была не национальность, а принадлежность этих лиц к комитету, деятельность которого вызывала у МГБ довольно ясные опасения. Даже в 1955 году Генеральный прокурор СССР Р. Руденко в записке по поводу реабилитации председателя ЕАК Лозовского (сменившего в 1948 году погибшего С. Михоэlsa) отмечал: «Проверкой установлено, что некоторые руководители Еврейского антифашистского комитета из националистических побуждений пытались присвоить комитету явно несвойственные ему функции, вмешиваясь от имени комитета в разрешение вопросов о тру-

доустройстве отдельных лиц еврейской национальности, возбуждали ходатайства об освобождении заключенных евреев из лагерей, в своих литературных работах допускали националистические утверждения и т.д. Эти неправильные действия объективно приводили к тому, что еврейские националистические элементы пытались группироваться вокруг Еврейского антифашистского комитета».

Итак, визит Голды Мейер катализировал и резко обнажил противостояние интересов евреев и советского государства. Оказалось, что после создания государства Израиль советские евреи, хотя и далеко не все, будут колебаться, если возникнет вопрос, ради кого жертвовать своей жизнью – ради СССР или Израиля и, может быть, даже предпочтут Израиль.

Такая постановка вопроса требовала немедленного удаления евреев из властных, и идеологических структур, а также научных верхов. Нет, это не значило, что советские евреи были хуже других народов, – вопрос стоял о верхушке советских евреев, о тех, кто присвоил себе право говорить от имени советских евреев, тех, кто внедрял в сознание советских евреев идеи их исключительности.

Скорее всего, отношение евреев к Израилю и лично к Голде Мейер интересовало Сталина и Маленкова меньше всего. Но то, насколько евреи оказались организованы, и кто оказался в первых рядах встречающих, зародило подозрение. Была отдана отмашка на тщательную проверку. Оказалось, что в партии (и не только в ней, но и в армии и т.д.) вызрела мощная политическая группировка, тесно спаянная между собой и имеющая далеко идущие планы, весьма отличающиеся от основного курса партии, да еще плотно связанная с Западом (естественно, не просто с приятелями, их связи контролировались, наверняка, западными спецслужбами).

Интересно, что когда у судьи, ведущего дело ЕАК, возникли сомнения в материалах следствия, Сталин его поддержал, и 15 мая 1952 года процесс по делу ЕАК был приостановлен. Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР А.А. Чепцов указал на недоработки предварительного следствия, обуславливающие необходимость проведения доследования. После доработки обвинения процесс возобновился 22 мая 1952 года. Если сравнить данный факт с процессами 1930-х годов, то видно, что Сталин в отношении евреев действовал сверхосторожно и только на основе тщательно проверенных фактов.

* * *

В-третьих, поводом для обвинения Г.М. Маленкова в «антисемитизме» служит «дело врачей». Однако при объективном анализе выясняется, что оно, так же как и директивное письмо Маленкова 1944 года, было реакцией советского правительства на продолжающиеся групповщину, кумовство и коррупцию еврейской общины.

Еще в записке Абакумова Маленкову от 4 июля 1950 года обращалось внимание на быстрое развитие групповщины, кумовства и коррупции среди врачей еврейской национальности. Абакумов сообщал. «По имеющимся в МГБ СССР данным, в результате нарушения большевистского принципа подбора кадров в клинике лечебного питания Академии медицинских наук СССР создалась обстановка семейственности и групповщины. По этой причине из 43 должностей руководящих и научных работников клиники 36 занимают лица еврейской национальности, на излечение в клинику попадают, главным образом, евреи. Заместитель директора института питания Белков А.С. по этому вопросу заявил: «Поближе ознакомившись с аппаратом клиники, я увидел, что 75 – 80 % научных работников составляют лица еврейской национальности. В клинике при заполнении истории болезни исключались графы «национальность» и «партийность». Я предложил заместителю директора клиники Беликову включить эти графы, так как они нужны для статистики. Они были включены, но через пять дней Певзнером снова были аннулированы».

По существующему положению в клинику лечебного питания больные должны поступать по путевкам Министерства здравоохранения СССР и некоторых поликлиник Москвы, а также по тематике института лечебного питания Академии медицинских наук СССР. В действительности в клинику поступают в большинстве своем лица еврейской национальности по тематике института питания, то есть с разрешения директора института Певзнера и заведующего приемным покоем Бреженера. Старшая медицинская сестра клиники Гладкевич Е.А., ведающая регистрацией больных, заявила: «Характерно отметить, что большинство лечащихся в клинике больных это евреи. Как правило, они помещаются на лечение с документами за подписью Певзнера, Гордона или Бреженера». (Полный текст письма Абакумова публикуется в данной книге.)

«Дело врачей» началось, в сущности, со смерти А.А. Жданова. Врач Карпай не нашла у него признаков инфаркта, хотя Жданов давно страдал от болезни сердца и до войны уже перенес один инфаркт. Другая врач, Тимашук, посчитала, что инфаркт есть. Консилиум врачей решил, что инфаркта нет. Они направили Жданова в санаторий, вместо того, чтобы прописать строгий постельный режим. Тимашук на всякий случай написала письмо со своим особым мнением о том, что у Жданова инфаркт.

Вскоре в санатории А.А. Жданов и умер от инфаркта. Консилиум врачей под председательством профессора Виноградова дал такое заключение, которое можно было трактовать и так и этак. Вокруг Виноградова, как выяснилось позже, сплотилась достаточно большая группа врачей, которая свила себе в Лечсанупре Кремля теплое гнездышко.

В 1952 году обстоятельства смерти А.А. Жданова вновь привлекли к себе внимание советского руководства, когда всплыли похожие факты, касающиеся лечения и преждевременной смерти Первого секретаря МКК ВКП(б) А.С. Щербакова. Под стражу взяли профессора В.Н. Виноградова, В.Х. Василенко, М.С. Вовси, Б.Б. Когана, профессора А.М. Гринштейна, А.И. Фельдмана, Я.С. Темкина.

Виноградов сообщил, что М.Б. Коган вплоть до своей смерти от рака 26 ноября 1951 года спрашивал у него сведения о состоянии здоровья и положении дел в семьях Сталина и других руководителей, которых он лечил. По материалам следствия, большинство врачей из окружения Виноградова были связаны с еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт».

Наконец, 13 января 1953 года в «Правде» была опубликована статья, в которой говорилось, что А.А. Жданов умер в результате неправильного лечения. Это было обоснованное и подтвержденное медицинскими экспертизами заключение, отрицать которое бессмысленно – Жданов действительно умер от неправильного лечения. Мотивы, по которым лечение проводилось неправильно, до сих пор остаются непонятными, но трудно поверить, что доктора такой высокой квалификации могли дважды в течение короткого времени – в случае Щербакова, а затем Жданова – «просмотреть» инфаркт, да еще назначить лечение, которое прямо вело к обострению болезни и смерти пациентов.

Тогда, в 1952 – начале 1953 года, утверждалось, что кремлевские врачи действовали по заданию иностранных разведок, а посредником выступала «Джойнт». После смерти Сталина «дело врачей» было прекращено, а их показания о связях с «Джойнт» объяснялись «недозволенными методами следствия». Все фигуранты «дела врачей» были реабилитированы, а само это дело позже объявлено свидетельством антисемитизма Сталина и Маленкова.

* * *

На XIX съезде партии (октябрь 1952 г.) основной доклад делал Г.М. Маленков. Это значило, что именно Маленкова следовало рассматривать как официального преемника Сталина. Об укреплении позиции Маленкова свидетельствовало и то, что к тому времени он

получил право подписи за Сталина. Маленков был единственным человеком из его близкого окружения, кто разделял и был способен реализовать фундаментальную мысль Сталина, к которой он пришел в результате исторического опыта Великой Отечественной войны, – мысль о ведущей роли русского народа в нашем многонациональном государстве.

Однако после смерти Сталина Маленков недолго продержался на руководящих постах. Он видел, как хрущевская затея с целиной обрекла центральную Россию на нищету, а Казахстан – на экологическую катастрофу. Видел, как Хрущев разыграл в 1956 году «антисталинскую» карту.

Г.М. Маленков на правах члена Президиума ЦК без какой-либо предварительной договоренности с Молотовым и Кагановичем, но в уверенности, что они и большая часть членов Президиума поддержат его, предлагает освободить Хрущева от обязанностей генсека.

А.Г. Маленков пишет: «Отчетливо помню, какой неясной тревогой в июньские дни 57-го года был наполнен наш дом. Мы решительно ни о чем не догадывались, но по каким-то нюансам в поведении отца видели: хоть и держится с полным спокойствием, но нервы у него на пределе. Однажды невольно услышал, как Георгий Максимилианович властно сказал кому-то по телефону: «Николай, держись. Будь мужчиной. Не отступай...» Как потом стало ясно, разговор этот уже в дни работы июньского пленума, на который Хрущев успел свезти своих верных сторонников – что-то около одной трети ЦК. А разговаривал отец с Булганиным, который должен был опубликовать в «Правде» решение Президиума о снятии Хрущева.

Увы, «Николай» уже искал лазейки и компромиссы, чтобы уцелеть перед бешеным напором хрущевцев. Маленков, Молотов и Каганович были навсегда удалены с политической арены. А немногим позже один за другим исчезли с нее Булганин и Ворошилов. Сразу же после пленума или через какое-то время поплатились своей политической карьерой и все те из высшего эшелона власти, кто в той или иной мере поддерживал предложение Маленкова о снятии Хрущева с поста генсека.

Так Хрущев совершил государственный переворот и единолично захватил власть в стране. Известно, чем закончилась эта «победа»...».

По материалам С. Миронина и А. Маленкова

А.А. Жданов «Чуждые советскому народу»

«Да, мы тенденциозны, и гордимся этим...» (Из речи А.А. Жданова на Первом всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934 г.)

...Современное состояние буржуазной литературы таково, что она уже не может создать великих произведений. Упадок и разложение буржуазной литературы, вытекающие из упадка капиталистического строя, представляют собой характерную черту, характерную особенность состояния буржуазной культуры и буржуазной литературы в настоящее время. Ушли безвозвратно времена, когда буржуазная литература могла создавать великие произведения периода расцвета капитализма. Теперь идет всеобщее измельчание и тем и талантов, и авторов и героев.

О чем писать, о чем мечтать, о каком пафосе может думать буржуазный писатель, откуда заимствовать ему этот пафос, если рабочий в капиталистических странах не уверен в завтрашнем дне, если он не знает, будет ли он завтра работать, если крестьянин не знает, будет ли он завтра работать на своем клочке земли или будет вышиблен из колеи капиталистическим кризисом, если трудовой интеллигент не имеет работы сегодня и не знает, получит ли он ее завтра!..

Для упадка и загнивания буржуазной культуры характерны разгул мистицизма, поповщины, увлечение порнографией. «Знатными людьми» буржуазной литературы являются сейчас воры, сыщики, проститутки, хулиганы.

Более остро чувствующие положение вещей представители буржуазной литературы объята пессимизмом, неуверенностью в завтрашнем дне, восхвалением черной ночи, воспеванием пессимизма как теории и практики искусства.

* * *

Так обстоит дело в капиталистических странах. Не то у нас. Наша литература насыщена энтузиазмом и героикой. Она оптимистична, причем оптимистична не по какому-либо зоологическому «нутрянному» ощущению. Наша советская литература сильна тем, что служит новому делу – делу социалистического строительства.

Товарищ Сталин назвал наших писателей «инженерами человеческих душ». Что это значит? Какие особенности накладывает это звание?

Это значит, во-первых, узнать жизнь, чтобы уметь ее правдиво изобразить в художественных произведениях, изобразить не схоластически, не мертво, не просто как «объективную реальность», а изобразить действительность в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма. Такой метод художественной литературы и литературной критики есть то, что мы называем методом социалистического реализма.

Наша советская литература не боится обвинений в тенденциозности. Да, советская литература тенденциозна, ибо нет и не может быть в эпоху классовой борьбы литературы не классовой, не тенденциозной, якобы аполитичной.

И я думаю, что каждый из советских литераторов может сказать любому тупоумному буржуа, любому филистеру, любому буржуазному писателю, который будет говорить о тенденциозности нашей литературы: «Да, наша советская литература тенденциозна, и мы гордимся ее тенденциозностью, потому что наша тенденция заключается в том, чтобы освободить трудящихся – все человечество от ига капиталистического рабства.

* * *

Быть инженером человеческих душ – это значит обеими ногами стоять на почве реальной жизни. А это в свою очередь означает разрыв с романтизмом старого типа, с романтизмом, который изображал несуществующую жизнь и несуществующих героев, уводя читателя от противоречий и гнета жизни в мир несбыточного, в мир утопий.

Для нашей литературы, которая обеими ногами стоит на твердой материалистической основе, не может быть чужда романтика, но романтика нового типа, романтика революционная. Мы говорим, что социалистический реализм является основным методом советской художественной литературы и литературной критики, а это предполагает, что революционный романтизм должен входить в литературное творчество, как составная часть, ибо вся жизнь нашей партии, вся жизнь рабочего класса и его борьба заключаются в сочетании самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами. Наша партия всегда была сильна тем, что она соединяла и соединяет сугубую деловитость и практичность с широкой перспективой, с постоянным устремлением вперед, с борьбой за построение коммунистического общества. Советская литература должна уметь показать наших героев, должна уметь заглянуть в наше завтра. Это не будет утопией, ибо наше завтра готовится планомерной сознательной работой уже сегодня.

* * *

Нельзя быть инженером человеческих душ, не зная технику литературного дела, причем необходимо заметить, что техника писательского дела имеет целый ряд специфических особенностей.

Родов оружия у вас много. Советская литература имеет все возможности применить эти роды оружия (жанры, стили, формы и приемы литературного творчества) в их разнообразии и полноте, отбирая все лучшее, что создано в этой области всеми предшествующими эпохами. С этой точки зрения овладение техникой дела, критическое освоение литературного наследия всех эпох представляет из себя задачу, без решения которой вы не станете инженерами человеческих душ.

Быть инженерами человеческих душ – это значит активно бороться за культуру языка за качество произведений. Нам нужно высокое мастерство художественных произведений, и в этом отношении неценима помощь Алексея Максимовича Горького, которую он оказывает партии и пролетариату в борьбе за качество литературы, за культурный язык.

Итак, советские писатели имеют все условия для того, чтобы дать произведения, как говорят, созвучные эпохе, дать произведения, на которых бы учились современники и которые были бы гордостью будущих поколений.

Для советской литературы созданы все условия для того, чтобы она могла создать произведения, отвечающие требованиям культурно выросших масс. Ведь только наша литература имеет возможность быть так тесно связанной с читателями, со всей жизнью трудящихся, как это имеет место в Союзе Советских Социалистических Республик.

Настоящий съезд является особенно показательным. Съезд готовили не только литераторы, съезд готовила вместе с ними вся страна. В этой подготовке ярко сказались та любовь и

внимание, которыми окружают советских писателей партия, рабочие и колхозное крестьянство, та чуткость и вместе с тем требовательность, которые проявляют рабочий класс и колхозники к советским литераторам. Только в нашей стране литература и писатель подняты на такую высоту.

Организируйте же работу вашего съезда и работу Союза советских писателей в дальнейшем так, чтобы творчество писателей отвечало достигнутым победам социализма.

Создайте творения высокого мастерства, высокого идейного и художественного содержания. Будьте активнейшими организаторами переделки сознания людей в духе социализма.

Будьте на передовых позициях борцов за бесклассовое социалистическое общество.

**«Резкая, враждебная реакция...»
(Из информационного письма наркома
государственной безопасности СССР
В.Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А.А.
Жданову о политических настроениях и
высказываниях писателей. 31.10.1944 г.)**

По поступившим в НКГБ СССР агентурным сведениям, общественное обсуждение и критика политически вредных произведений писателей Сельвинского, Асеева, Зощенко, Довженко, Чуковского и Федина вызвали резкую, в основном враждебную, реакцию со стороны указанных лиц и широкие отклики в литературной среде.

Поэт Асеев Н.Н. по поводу своего вызова в ЦК ВКП(б), где его стихи были подвергнуты критике, заявил: «Написанная мною последняя книжка не вышла из печати.

1). Меня по этому поводу вызвали в ЦК, где ругали за то, что я не воспитываю своей книжкой ненависти к врагу. Нашли, что книжка получилась вредной... Я, конечно, соглашался с ними, но сам я считаю, что они не правы. Вступать с ними в борьбу я не видел смысла. Мы должны лет на пять замолчать и научить себя ничем не возмущаться. Все равно молодежь с нами, я часто получаю письма от молодежи с фронта, где меня спрашивают: долго ли им еще читать «Жди меня» Симонова и питаться «Сурковой массой».

2). «Я знаю, что написал те стихи, которые нужны сегодня народу... Надо перетерпеть, переждать реакцию, которая разлилась по всей стране».

«Я продолжаю писать стихи, но я не показываю их. Я не имею права изменять себе, и поэтому эти стихи неуютны».

Оценивая, в связи с этим, состояние советской литературы, Асеев говорит: «В России все писатели и поэты поставлены на государственную службу, пишут то, что приказано. И поэтому литература у нас – литература казенная. Что же получается? СССР как государство решительно влияет на ход мировой жизни, а за литературу этого государства стыдно перед иностранцами».

«Слава богу, что нет Маяковского. Он бы не вынес. А новый Маяковский не может родиться. Почва не та. Не плодородная, не родящая почва...»

...Ничего, вместе с демобилизацией вернутся к жизни люди все выдавшие. Эти люди принесут с собой новую меру вещей. Важно поэту, не разменяв таланта на казенщину, дождаться этого времени. Я не знаю, что это будет за время. Я только верю в то, что это будет время свободного стиха».

* * *

Писатель Зощенко М.М. считает, что критика и осуждение его повести «Перед восходом солнца» были направлены не против книги, а против него самого.

«Мне было ясно дано понять, что дело здесь не только в повести. Имела место попытка «повалить» меня вообще как писателя, так как вся моя писательская работа, а не только повесть «Перед восходом солнца», была осуждена «вверху»».

Зощенко подробно и настойчиво рассказывает, что его повесть до осуждения, якобы, вызывала всеобщее восхищение, ее одобряло руководство Союза советских писателей; академик Сперанский и психиатр Тимофеев согласились с «научными» выводами Зощенко.

Некоторые работники аппарата ЦК ВКП(б) разрешили ее печатать, а во время «проработки» большинство этих лиц «предали» его и выступали против книги.

Зощенко дает следующую оценку состояния советской литературы: «Я считаю, что советская литература сейчас представляет жалкое зрелище. В литературе господствует шаблон. Поэтому плохо и скучно пишут даже способные писатели. Нет зачастую у руководителей глубокого понимания задач искусства».

«Творчество должно быть свободным, у нас же – все по указке, по заданию, под давлением». По вопросу о своих планах на будущее Зощенко заявляет: «Мне нужно переждать. Вскоре после войны литературная обстановка изменится, и все препятствия, поставленные мне, падут. Тогда я буду снова печататься. Пока же я ни в чем не изменюсь, буду стоять на своих позициях. Тем более потому, что читатель меня знает и любит».

По полученным из Ленинграда сведениям, Зощенко, внешне подчеркивая стремление перестроить свое творчество на актуальные темы, продолжает писать и выступать перед слушателями с произведениями, отражающими его пацифистское мировоззрение (рассказы «Стратегическая задача», «Щи» и др.).

* * *

Писатель Чуковский К.И. по поводу своей сказки «Одолеем Бармалея» заявил, что еще год тому назад президиум Союза советских писателей дал хорошую оценку книге, потому что это – настоящее произведение детской литературы, и ему непонятно резкое изменение отношения к ней.

Положение в советской литературе Чуковский определяет с враждебных позиций: «... В литературе хотят навести порядок. В ЦК прямо признаются, что им ясно положение во всех областях жизни, кроме литературы. Нас, писателей, хотят заставить нести службу, как и всех остальных людей. Для этого назначен тупой и ограниченный человек, фельдфебель Поликарпов. Он и будет наводить порядок, взыскивать, ругать и т.д. Тихонов будет чисто декоративной фигурой...»

В журналах и издательствах царят пустота и мрак. Ни одна рукопись не может быть принята самостоятельно. Все идет на утверждение в ЦК, и поэтому редакции превратились в мертвые, чисто регистрационные инстанции. Происходит страшнейшая централизация литературы, ее приспособление к задачам советской империи».

«В демократических странах, опирающихся на свободную волю народа, естественно, свободно расцветают искусства. Меня не удивляет то, что сейчас произошло со мной. Что такое деспотизм? Это воля одного человека, передоверенная приближенным. Одному из приближенных я не понравился. Я живу в антидемократической стране, в стране деспотизма и поэтому должен быть готовым ко всему, что несет деспотия».

«По причинам, о которых я уже говорил, т.е. в условиях деспотической власти, русская литература заглохла и почти погибла. Минувший праздник Чехова, в котором я, неожиданно для себя, принимал самое активное участие, красноречиво показал, какая пропасть лежит между литературой досоветской и литературой наших дней. Тогда художник работал во всю меру своего таланта, теперь он работает, насилуя и унижая свой талант.

Зависимость теперешней печати привела к молчанию талантов и визгу приспособленцев – позору нашей литературной деятельности перед лицом всего цивилизованного мира.

...Всей душой желаю гибели Гитлера и крушения его бредовых идей. С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией. Будем ждать».

Узнав о том, что в журнале «Новый мир» не пойдут его «Воспоминания о Репине», Чуковский возмущенно заявил: «Я испытываю садистическое удовольствие, слушая, как

редакции изворачиваются передо мной, сообщая, почему не идут мои статьи. За последнее время мне вернули в разных местах 11 принятых, набранных или уже заверстанных статей. Это – коллекция, которую я буду хранить. Когда будет хорошая погода, коллекция эта пригодится как живой памятник изощренной травли... Писатель Корней Чуковский под бойкотом... Всюду ложь, издевательство и гнусность».

* * *

Писатель К.А.Федин, в связи с появлением в свет и критикой его последней книги «Горький среди нас», говорил: «До меня дошел слух, будто книгу мою выпустили специально для того, чтобы раскритиковать ее на всех перекрестках. Поэтому на ней нет имени редактора – случай в нашей литературной действительности беспрецедентный.

Если это так, то ниже, в моральном смысле, падать некуда. Значит, я хладнокровно и расчетливо и, видимо, вполне официально был спровоцирован.

Одно из двух. Если книга вредна, ее надо запретить. Если она не вредна, ее нужно выпустить. Но выпустить для того, чтобы бить оглоблей вредного автора, – этого еще не знала история русской литературы».

По поводу статьи в «Правде», критиковавшей его книгу, Федин заявляет:

«Юрий Лукин, написавший статью под суфлера, формально прав. Под формальной точкой зрения я разумею точку зрения нашего правительства, которая, вероятно, прогрессивна в деле войны, понуждая писателей служить, как солдат, не считаясь с тем, что у писателей, поставленных в положение солдат, ружья не стреляют. Ведь это извечный закон искусства: оно не терпит внешнего побуждения, а тем более принуждения.

Смешны и оголенно ложны все разговоры о реализме в нашей литературе. Может ли быть разговор о реализме, когда писатель понуждается изображать желаемое, а не сущее?

Все разговоры о реализме в таком положении есть лицемерие или демагогия. Печальная судьба литературного реализма при всех видах диктатуры одинакова.

Реалистические портреты Ремизова и Сологуба толкуются как искажение действительности. Даже о далеком прошлом нельзя писать реалистически, а то, что требует Лукин, – явно инспирировано; это требование фальсификации истории.

Горький – человек великих шатаний, истинно русский, истинно славянский писатель со всеми безднами, присущими русскому таланту, – уже прилизан, приглажен, фальсифицирован, вытянут в прямую марксистскую ниточку всякими Кирпотинными и Ермиловыми.

Хотят, чтобы и Федин занялся тем же!»

Свое отношение к современным задачам советской литературы Федин выражает следующим образом: «Сижу в Переделкино и с увлечением пишу роман, который никогда не увидит света, если нынешняя литературная политика будет продолжаться. В этом писании без надежды есть какой-то сладостный мазохизм. Пусть я становлюсь одиозной фигурой в литературе, но я есть русский писатель и таковым останусь до гроба – верный традициям писательской совести...

...Не нужно заблуждаться, современные писатели превратились в патефоны. Пластинки, изготовленные на потребу дня, крутятся на этих патефонах, и все они хрипят совершенно одинаково.

Леонов думает, что он какой-то особый патефон. Он заблуждается. «Взятие Великошумска» звучит совершенно так же, как «Непокоренные» [Б.Л. Горбатова] или «Радуга» [В.Л. Василевской]. На музыкальное ухо это нестерпимо.

Пусть передо мной закроют двери в литературу, но патефоном быть я не хочу и не буду им. Очень трудно мне жить. Трудно, одиноко и безнадежно».

* * *

Кинорежиссер Довженко А.П., внешне соглашаясь с критикой его киноповести «Украина в огне», в завуалированной форме продолжает высказывать националистические настроения. Довженко во враждебных тонах отзывается о лицах, выступавших с критикой его повести, особенно о т. Хрущеве и руководителях Союза советских писателей Украины, которые, по его словам, до обсуждения киноповести в ЦК ВКП(б) давали ей положительную оценку.

«Я не политик. Я готов признать, что могу делать ошибки. Но почему у нас делается так, что сначала все говорят – «хорошо, прекрасно», а потом вдруг оказывается чуть ли не клевета на советскую власть».

«Я не в обиде на Сталина и на ЦК ВКП(б), где ко мне всегда хорошо относились. Я в обиде на украинцев – люди, имевшие мужество в лицо Сталину подбрасывать на меня злые реплики после всего их восхищения сценарием, – эти люди не могут руководить войной и народом. Это мусор».

После вызова в ЦК ВКП(б) Довженко усиленно работал над новыми сценариями о Мичурине и об Украине, замкнулся и тщательно уклонялся от встреч с украинскими работниками литературы и искусства. По агентурным данным, в своем новом сценарии об Украине он пытается освободиться от свойственных ему националистических концепций, однако это ему удается с трудом.

* * *

Поэт Сельвинский И.Л. в связи с обсуждением в Секретариате ЦК ВКП(б) его стихотворения «Кого баюкала Россия» заявил: «Я не ожидал, что меня вызовут в Москву для проработки. Стихотворение «Кого баюкала Россия» для меня проходящее. Я ожидал, что наконец меня похвалят за то, что я все же неплохо воюю. За два года получил два ордена и представлен к третьему».

Меня вызывали в ЦК, ругали не очень, сказали, что я молодой коммунист, ничего, исправлюсь. Я думаю, что теперь меня перестанут прорабатывать, не сразу, конечно, а через некоторое время...

Мне очень не везет уже 15 лет, со времени «Пушторга». Бьют и бьют. На особый успех я не надеюсь. Видно такова уж моя писательская биография».

Обобщая свои мысли о положении в советской литературе, Сельвинский говорит: «Боюсь, что мы – наша сегодняшняя литература, как и средневековая, – лишь навоз, удобрение для той литературы, которая будет уже при коммунизме».

...Сейчас можно творить лишь по строгому заказу, и ничего другого делать нельзя...

На особое улучшение (в смысле свободы творчества) после войны для себя я не надеюсь, так как видел тех людей, которые направляют искусство, и мне ясно, что они могут и захотят направлять только искусство сугубой простоты».

Последнее время Сельвинский усиленно работает над исторической поэмой и заявляет о своем стремлении занять ведущее место в советской литературе.

* * *

Обсуждение и критика в печати произведений указанных выше авторов вызвали широкие отклики в среде писателей и послужили поводом к обобщающим оценкам современного состояния и задач советской литературы.

Ряд писателей положительно реагирует на критику политически вредных произведений и осуждает творческие позиции их авторов.

Писатель Леонов Л.М.: «Книга Федина о Горьком плохая. Недопустимо опубликование писем и высказываний Горького без учета, что это в итоге исказит образ Алексея Максимовича. Горький не сразу стал тем писателем и учителем жизни, которого высоко чтит советская страна. И бестактно сейчас, в интересах личной писательской биографии, публиковать то, что было сказано Горьким совсем в другое время, на иной стадии нашей общественной и литературной жизни.

У меня тоже есть письма Горького, воспоминания о беседах с ним, но я не предаю и не предаю этот материал гласности в интересах сохранения в народе цельного образа великого писателя, пришедшего к полному единению со своим народом, с партией, с советским государством».

Писатель Сергеев-Ценский С.Н. на заявление одного из писателей о невозможности создавать реалистические произведения в условиях советской действительности сказал: «Подлинный писатель всегда, при всех препятствиях, проявит себя, свой талант. Реализм – это вовсе не все, без разбору, подробности жизни, какие наблюдает писатель. Писатель находит нужную дистанцию для изображения и показывает основное в жизни. Раньше, до революции, существовала власть денег, страсть к накоплению и рабство нестойких писателей перед модой, перед требованиями публики, искавшей острых, скажем, половых проблем. Настоящий писатель был тогда в меньшинстве, – это заставляло меня жить в уединении и быть раньше всего художником. Теперь есть возможность писать и печатать, и я этому пример».

Драматург Волков И.Д.: «Федина критиковали слабо, о его книге можно было бы написать сильнее. У нее два больших порока. Во-первых, с каждой страницы веет высокомерным отношением автора к советской власти, а, во-вторых, автор разделяет жизнь и литературу и старается доказать, что литература может развиваться своими самостоятельными, независимыми от жизни страны путями. Взгляд этот абсолютно ошибочен и вреден. Возмутительно то, что себя и «Серрапионовых братьев» Федина как бы противопоставляет всей остальной литературе СССР, и не только литературе, но и общественно-политической жизни государства».

Писатель Нилин П.Ф.: «Федин – не настоящий писатель, его писательская работа – имитация, повторяющая идеи и мысли чуждых нам зарубежных писателей. Федина как-то без основания, вдруг, занял у нас место «великого русского писателя», он страдает преувеличенным самомнением и ничего не дал созвучного нашей эпохе. Он – ложно революционный, а не народный писатель...».

* * *

Отдельные писатели, считая правильным осуждение произведений Асеева, Зощенко, Федина и других, выражают резкое недовольство системой руководства литературой, осуществляемого, по их мнению, некомпетентными лицами, отсутствием авторитетных указаний в области направления творчества, строгостью цензуры и неудовлетворительной воспитательной работой среди писателей.

Литературный критик Лежнев И.Г.: «Наша литература ограничена определенными историческими условиями – международными, внутривластными. Эти условия не позволяют развернуть искусство, подобное искусству прошлого, с его критикой и проповедничеством. Это следует признать как неизбежное. Может ли в условиях вышеотмеченных развиваться наша литература? Да, может. Однако она введена в круг более узкий и более ограниченный, нежели тот большой историко-социальный круг.

Малый круг определяется деятельностью Управления агитации и пропаганды. Когда Александров выступал на пленуме, он призывал писателей глядеть дальше и видеть больше, чем обычный интеллигент. Однако практически это не осуществляется. Всякая попытка заглянуть вперед ограничивается и пресекается тем же Александровым.

Я говорю не о тех враждебных книгах, которые были осуждены, я говорю о другом. Сейчас многие писатели дезориентированы. Всеволод Иванов говорил мне, что писать невозможно, так как «нет камертона». Он готов идти с партией, но он привык получать указания, а не дубину.

Вместо того, чтобы объяснить писателю, в чем смысл событий и какие проблемы нужно ставить, его дергают и фактически помогают антипартийным двуруким людям.

Получается, что враждебная книжка, вроде книги Федина, может выйти в свет, а партийная критика на эту книгу появиться не может. (Лежнев имеет в виду свою статью о книге Федина, не пропущенную в газете «Литература и искусство».)

Нам не дают развивать критику. Писателю нужно доверять, если от него хотят чего-либо добиться. А этого доверия нет. Наши центральные газеты и журналы печатают критические разборы вредных книг, но ведь это статьи извне, а не критиков. Они исходят не из писательской среды.

Произносятся патетические речи на собраниях, писателей зовут писать, но ведь над этими речами смеются, потому что знают – в ЦК всякое свежее слово задержат. В результате люди устают от битья, перестают писать и разлагаются.

В этом я вижу главную причину того, что наша литература не развивается. Она и не может развиваться в этом узком круге, который ее душит. Люди боятся писать, потому что их могут «проработать».

Растет какая-то беспартийщина. Всякое слово о классовой борьбе приходится протаскивать контрабандой».

* * *

Писатель Эрлих А.И.: «Наши последние провалы на литературном фронте – прямой результат того, что в редакциях сидят люди низкого уровня. Хорошее произведение не может пробить себе дорогу, потому что редакторы не в состоянии его оценить, они мыслят штампами, находятся в плену у шаблона. Не умея самостоятельно мыслить и не полагаясь на себя, они идут на поводу у громких имен и потому зачастую печатают халтуру, политически недоброкачественную дребедень, если она подписана более или менее апробированным именем – например, Зощенко.

Я выражаю твердую уверенность, что с окончанием войны все эти люди, которым сейчас Управление пропаганды ЦК доверило руководство литературой и печатью, будут сметены, – следа от них не останется. Им придут на смену новые люди, талантливые, смелые, понимающие, политически твердые».

Писатель Вирта Н.Е.: «Писателю сейчас ставятся очень большие преграды в цензурном отношении, творчество писателя чересчур зависит от случайного мнения тех или иных лиц. Я не согласен, когда на страницах центральных газет появляется сразу убийственный приговор тому или иному писателю. Считаю, что такая критика не нужна и подчас даже вредна. Лица, которые пишут подобные отзывы, являются мало компетентными судьями и во всяком случае плохими критиками».

Писатель Лидин В.Г.: «Совершаются грандиозные дела. Нашим вождям не до литературы, не до наших личных судеб, не до того, что в могучей стране литератор не обеспечен заработком и служит литературе как подвижник.

Но я мечтаю о том, что когда-нибудь Сталин позовет писателей для душевного разговора. Только выйдет ли разговор? Шагинян в качестве партийной неофитки произнесет трактат с цитатами из Маркса, а Павленко скажет, что все мы, советские писатели, не стоим ломаного гроша. Плохо то, что под гнетом РАППа, в бюрократических методах работы Союза писателей мы потеряли великий дар литератора – дар откровенности».

«Население в нашей стране 180 миллионов, писателей действительно пишущих – не более полутора человека. При таком позорном для нас соотношении, говорящем о низком уровне гуманистической культуры, партия, казалось бы, как зеницу ока должна беречь свой крохотный золотой фонд. А сколько за годы войны выведено писателей из строя, сколько совершено моральных убийств! Я не говорю о Чуковском, за которым, возможно, водятся политические грехи. Но вот Зощенко, написавший одну плохую повесть... Достаточная ли это причина, чтобы человеку переломить хребет, похоронить его морально, ослабить на весь мир?.. Нет, литературу у нас не любят. С писателями обращаются как с принципиальными врагами или поденщиками, казня их лютой казнью за всякую вольную или невольную ошибку.

Литературу можно поднять, предоставив ей относительную независимость в рамках советской идеологии и вернув писателям чувство собственного достоинства. Вернуть же его – это значит вывести писателей из такого положения, когда любая статья в «Правде» категорически определяет ту или иную судьбу писателя. Писатель не должен быть беззащитным перед лицом критики...»

* * *

Несколько своеобразную позицию занимает писатель Илья Эренбург, осуждающий антивоенные стихи Асеева и одновременно высказывающий недовольство существующей системой цензуры и критики: «Нам придали большое значение и за нами бдительно следят. Вряд ли сейчас возможна правдивая литература, она вся построена в стиле салютов, а правда – это кровь и слезы.

Очень показательна история с Зощенко, Сельвинским, Чуковским, Федеиным. В ней виден административный произвол. Другое дело Асеев, он написал во время войны антивоенные вещи, и ему за это влетело.

Однако случаи с Зощенко, Сельвинским, Чуковским, Федеиным иное. Они носят очень грубую форму. Лет десять назад обо мне могли писать самые отрицательные статьи, называть буржуазным писателем и одновременно печатать. Ныне другое – раз Зощенко или Чуковский уничтожены в «Правде» или «Большевике», их уже никто не печатает, и это ставит писателей в страшное положение общественного остракизма без видимой вины.

Мы, писатели, предали искусство и пошли на время войны в газету. Это была общественная необходимость, жертва, но этого никто не оценивает. С писателями обращаются черт знает как.

Я – Эренбург, и мне позволено многое. Меня уважают в стране и на фронте. Но и я не могу напечатать своих лучших стихов, ибо они пессимистичны, недостаточно похожи на стиль салютов. А ведь война рождает в человеке много горечи. Ее надо выразить».

* * *

За последнее время поступают сведения в отношении писателя Гладкова Ф.В., свидетельствующие о наличии у него антипартийных взглядов на положение советской литературы и перспективы ее развития.

Так, Гладков говорит: «В моей «Клятве» все, что было от писательских размышлений, от политической мысли, от художественного образа, – все выброшено. И не цензурой, а там, «наверху», чиновниками Александра. Я не могу и не хочу быть участником прикладной литературы, а только такая литература сейчас легальна... Мы, старые большевики, всегда боролись за свободу творческой жизни пролетариата. Но теперь старые большевики не в моде, революционные принципы их неуютны... Трудно писать. Невыносимо трудно. А главное – поговорить не с кем. Исподличались люди...»

«В свое время профессия писателя понималась как «служение», теперь она воспринимается как казенная служба. Писательский труд используется для голой агитации; оценки литературного произведения по его художественным достоинствам не существует; искусственно создается литературная слава людям вроде Симонова и Горбатова, а настоящие писатели в тени».

«Отсутствие творческих интересов и равнодушие писателей друг к другу объясняются взглядом руководящих товарищей на литературу как на подсобное хозяйство в политике. Литература лишена всякой самостоятельности и поэтому потеряла жизнедеятельность. Художники влечат жалкое, в творческом смысле, существование; процветают лакеи, вроде Катаева или Вирты, всякие шустрые и беспринципные люди... Совершенно губительна форма надзора за литературой со стороны ЦК партии, эта придирчивая и крохоборческая чистка каждой верстки журнала инструкторами и Еголиным... Уже не говоря о том, что это задерживает выход журналов, нивелирует и выхолащивает литературу, это, к тому же, не спасает от ошибок (пример с повестью Зоценко)... Такая практика должна быть сломана, если товарищи хотят, чтобы наш Великий Союз имел если не великую, то хотя бы большую литературу.

Я не тешу себя иллюзиями относительно перемен в литературном деле. Все мы – навоз для будущих литературных урожаев. Литература встанет на ноги только через 20 – 30 лет. Это произойдет, когда народ в массе своей, при открытых дверях за границу, станет культурным. Только тогда чиновники будут изгнаны с командных постов... Бедственно положение писателя, очевидца и участника грандиозных событий, у которого, тем не менее, запечатан рот, и он не может высказать об этих событиях своей писательской правды... Литература видела на своем веку Бенкендорфов всех мастей и все-таки осталась жива. Минует ее и наше лихолетье...»

«Обо всем этом должны знать наверху, но там не знают. Было время, когда писатели – и я в том числе – разговаривали со Сталиным о литературе, а теперь к нему не пускают, и даже письма писателей не доходят до него».

* * *

Антисоветски настроенные элементы из числа писателей критику и осуждение вредных произведений, а также положение в советской литературе оценивают с враждебных позиций, заявляя, что в условиях советской действительности литература существовать и развиваться не может.

Поэт Уткин И.П.: «Руководство идеологической областью жизни доверено людям не только не любящим мысли, но равнодушным к ней.

Все поэты похожи друг на друга, потому что пишут политическими формулами. Образ изгоняется потому, что он кажется опасным, ведь поэтический образ – это не таблица умножения.

Я неуютен, потому что иду собственной поэтической дорогой и не поступаюсь своим достоинством. Они хотели бы сделать из советской поэзии арацхеевские поселения, где всяк на одно лицо и шагает по команде. Я как поэт на шагистике не способен и поэтому опасен:

ведь за мной стоит широкий читатель, до сердца которого я легко дохожу. Этот читатель думающий, а поэтому тоже опасный, конечно, с точки зрения партийного бюрократа.

Управление литературой, управление поэзией! Поэзией нельзя управлять, для нее можно создавать благоприятные условия, и тогда она цветет, но можно надеть на нее смиренную рубашку, и тогда она есть то, что печатается в наших журналах. Она обращается в казенную свистульку.

При проработке Федина «мясорубка», кажется, испортилась. Что-то не сделали из Федина котлету. Вишневский и Тихонов даже его хвалили. А после всего устроили банкет и пили с Фединым за его здоровье. Я рассматриваю такое поведение как носоутиранье «Правде».

А может быть, решили, ввиду безрезультатности массового кровопускания, применявшегося к Чуковскому, Асееву и Зоценко, отказаться от этого впредь и пробуют иначе разговаривать. Все равно нас не исправишь. Они не могут, как мы, а мы не хотим, как они. Ну и что они с нами сделают? Печатать не будут? – все равно не платят! Кормить не будут? – будут, им невыгодно, чтобы мы издыхали».

* * *

Писатель Шкловский В.Б.: «В литературе, особенно в военной журналистике, подбираются кадры людей официально-мыслящих, готовых написать под диктовку. Существует болезнь свежей мысли. Даже Эренбург мне жаловался, что установки становятся все более казенными».

«Проработки, запугивания, запрещения так приелись, что уже перестали запугивать, и люди по молчаливому уговору решили не обращать внимания, не реагировать и не участвовать в этом спектакле. От ударов все настолько притупилось, что уже не чувствительны к ударам. И в конце концов, чего бояться? Хуже того положения, в котором очутилась литература, уже не будет. Так зачем стараться, зачем избивать друг друга – так рассудили беспартийные и не пришли вовсе на Федина. Вместо них собрали служащих Союза [советских писателей] и перед ними разбирали Федина, и разбирали мягко, даже хвалили, а потом пошли и выпили и Федина тоже взяли с собой.

Союз стал мертвым, все настолько омертвело, что после Асеева, после Зоценко, после Сельвинского, после Чуковского – Федин уже не произвел действия. Довольно! Хватит! Надоело! Можно и не пойти – так почувствовали люди и не пошли. С проработками больше не выйдет. Пусть придумывают другое».

Драматург Погодин Н.Ф.: «В книге Федина много ценных мыслей и высказываний, она должна быть настольной книгой каждого писателя. Самое ценное в ней – мысль автора: «Надо слушать, но не слушаться». Это книга, утверждающая право художника мыслить и писать, о чем он хочет, не считаясь с «указками»».

Писатель Голубов С.Н.: «Критики у нас нет и быть не может, так как никто не позволит вам создавать какие-то концепции, хотя бы и философские. Сейчас невыносимо душно стало. Сидим, как в темном погребе. Так придушили, что дальше некуда. Когда у нас были военные неудачи, то власти порастерялись, идейно люди разбрелись кто куда, и никто нами особенно не интересовался. Ну а теперь мы побеждаем, и люди эти начинают снова собираться воедино, и идеология появилась прежняя – классовая борьба и все такое...»

Писатель Шпанов Н.Н.: «Я сознательно не беру в пьесе («Слово чести») действительно живших лиц, потому что не хочу идти путем подделки. Это и противно, да и хлопот не оберешься... Мы живем среди лжи, притворства и самого гнусного приспособленчества. Литературой управляют кретины, и за каждую свою строчку приходится драться с пеной на губах».

Писатель Кассиль Л.А.: «Все произведения современной литературы – гниль и труха. Вырождение литературы дошло до предела. Союз писателей надо немедленно закрыть, писателям же предоставить возможности собираться группами у себя на квартирах и обсуждать написанное сообразно своим творческим симпатиям и взглядам. Это – единственный путь...»

* * *

По полученным агентурным данным, чуждые советской идеологии произведения писателей Сельвинского, Асеева, Зощенко, Чуковского, Федина и Довженко нашли одобрение среди антисоветски настроенных студентов литературного института Союза писателей, которые превращают осужденные произведения в «шедевры» современной литературы, отвергают принципы социалистического реализма и пытаются разрабатывать «новые теории» развития литературы и искусства.

Народный комиссар государственной безопасности Союза ССР Меркулов

«Много идеологически вредных произведений...» (Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград»)

ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы «Звезда» и «Ленинград» ведутся совершенно неудовлетворительно.

В журнале «Звезда» за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зоценко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции «Звезды» известно, что Зоценко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов Зоценко «Приключения обезьяны» («Звезда» № 5 – 6 за 1946 г.) представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зоценко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Злостно хулиганское изображение Зоценко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами.

Предоставление страниц «Звезды» таким пошлякам и подонкам литературы, как Зоценко, тем более недопустимо, что редакции «Звезды» хорошо известна физиономия Зоценко и недостойное поведение его во время войны, когда Зоценко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как «Перед восходом солнца», оценка которой, как и оценка всего литературного «творчества» Зоценко, была дана на страницах журнала «Большевик».

Журнал «Звезда» всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, – «искусства для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе.

* * *

Предоставление Зоценко и Ахматовой активной роли в журнале, несомненно, внесло элементы идейного разброда и дезорганизации в среду ленинградских писателей. В журнале стали появляться произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада. Стали публиковаться произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни (стихи Садофьева и Комиссаровой в № 1 за 1946 г. и т. д.). Помещая эти произведения, редакция усугубила свои ошибки и еще более принизила идейный уровень журнала.

Допустив проникновение в журнал чуждых в идейном отношении произведений, редакция понизила также требовательность к художественным достоинствам литературного материала. Журнал стал заполняться малохудожественными пьесами и рассказами («Дорога

времени» Ягдфельда, «Лебединое озеро» Штейна и т. д.). Такая неразборчивость в отборе материалов для печатания привела к снижению художественного уровня журнала.

ЦК отмечает, что особенно плохо ведется журнал «Ленинград», который постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зощенко, для пустых и аполитичных стихотворений Ахматовой. Как и редакция «Звезды», редакция журнала «Ленинград» допустила крупные ошибки, опубликовав ряд произведений, проникнутых духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному. Журнал напечатал ряд ошибочных произведений («Случай над Берлином» Варшавского и Реста, «На заставе» Слонимского). В стихах Хазина «Возвращение Онегина» под видом литературной пародии дана клевета на современный Ленинград. В журнале «Ленинград» помещаются преимущественно бессодержательные, низкопробные литературные материалы.

* * *

Как могло случиться, что журналы «Звезда» и «Ленинград», издающиеся в Ленинграде, городе-герое, известном своими передовыми революционными традициями, городе, всегда являвшемся рассадником передовых идей и передовой культуры, допустили протаскивание в журналы чуждой советской литературе безыдейности и аполитичности?

В чем смысл ошибок редакций «Звезды» и «Ленинграда»?

Руководящие работники журналов, и в первую очередь их редакторы т.т. Саянов и Лихарев, забыли то положение ленинизма, что наши журналы, являются ли они научными или художественными; не могут быть аполитичными. Они забыли, что наши журналы являются могучим орудием Советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодежи и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя – его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе безыдейности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.